

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Валентина Викторовича Цветкова на тему: «Механизм наднационального правового регулирования труда в Европейском Союзе», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.05. – трудовое право; право социального обеспечения

Актуальность темы, избранной В.В. Цветковым для своего юридического исследования, не вызывает сомнений. Европейский Союз – уникальное межгосударственное образование, представляющее собой промежуточную форму между международной организацией и конфедерацией, и один из наиболее социально развитых регионов мира. При этом Российская Федерация активно участвует в создании другого регионального объединения – Евразийского экономического союза, – который во многих аспектах ориентируется на опыт ЕС. Опыт правовой интеграции, в том числе, в сфере трудового права, в рамках ЕС и предшествовавших ему интеграционных объединений значительно больше, чем у евразийского интеграционного проекта, в связи с чем для ЕАЭС и для России может быть интересны как полезные наработки ЕС, так и изучение ошибок этого интеграционного проекта, которых можно избежать в рамках ЕС.

Первая глава диссертационного исследования В.В. Цветкова посвящена истории развития правового регулирования труда в Европейском Союзе до и после принятия Лиссабонского договора 2007 г. Большая часть этой главы носит описательный характер и посвящена изложению основных этапов правового оформления европейской интеграции с некоторым уклоном в сторону социальных вопросов. Такого рода описания уже имеются в литературе, в т.ч., русскоязычной.

Иключение составляет заключительная часть второго параграфа этой главы, где содержатся рассуждения диссертанта о гибкости правового регулирования труда (стр. 20-23). Эти рассуждения весьма категоричны и недостаточно аргументированы. Цитируя социологов М.В. Каргалову и Е.Н. Егорову в отношении гибкости рынка труда и условий для мобильности рабочей силы, диссертант свысока резюмирует «на самом деле все обстоит с точностью наоборот» и делает пояснение, из которого следует, что он просто не понял, что цитируемые авторы понимают под гибкостью рынка труда. Далее диссертант ставит оценку «неудовлетворительно» французскому правительству, потерпевшему, с его точки зрения, фиаско. Далее автор поясняет читателям, что «проблема эффективного трудоустройства определяется прежде всего наличием двух взаимосвязанных факторов: наличием высокого спроса на труд и наличием качественного предложения труда». Он не разъясняет при этом, что означает для него «эффективное трудоустройство», не рассматривает даже в качестве возможных вариантов какие-либо иные факторы (например, состояние и уровень применения трудового законодательства), а продолжает свои рассуждения, выдавая этот тезис за данность. После этого на стр. 21-22 автор мельком цитирует доклад Европейской комиссии, в котором говорится о политике гибкой защищенности (flexicurity). Несмотря на то, что концепция сочетания гибкости и защиты стала ключевой в сфере занятости и трудового права в ЕС на рубеже десятых годов XXI в., а также на то, что имеется несколько разных правовых подходов к этой концепции и огромное количество специальной литературы как на английском, так и на русском языке, а сама эта концепция, несомненно относится к ключевым элементам правового механизма регулирования труда ЕС как на наднациональном, так и на национальном уровне,

диссертант никак больше не комментирует эту политику, больше в тексте работы к ней не возвращается и далее заканчивает эту главу несколькими описательными абзацами, направленными на констатацию давно известной информации о том, что усиление европейской интеграции не привело к принятию большого количества норм трудового законодательства.

Во второй главе автор концентрирует свое внимание на теоретических аспектах правового регулирования труда, специфических для ЕС. Первый параграф этой главы озаглавлен «Понятие правового регулирования и его механизма». В этом параграфе диссертант приходит к выводу, что механизм правового регулирования составляют правовые средства (источники правового регулирования), субъективные права и обязанности, возможность реализации и применения права (стр. 28). Однако в положении, выносимом на защиту под номером 1, давая понятие механизма наднационального правового регулирования труда в ЕС, он почему-то «оставляет за бортом» упомянутую им самим возможность реализации и применения права. Между тем, именно механизм наднационального правового регулирования труда в ЕС – это тема диссертации. Если автор сам перечисляет элементы, входящие в этот механизм, а затем раскрывает лишь часть из них, он не раскрывает заявленную тему работы. Подробнее о проблемах раскрытия темы, заявленной в названии диссертации и понятия механизма наднационального правового регулирования труда в ЕС см. далее в разделе замечаний под п. 1.

Следующий, второй, параграф этой главы, судя по названию, ставящий амбициозную цель на двенадцати страницах раскрыть «Сущность права ЕС», не относится к специальности, по которой защищается диссертация. То же самое замечание касается и параграфов 5 и 6 этой главы. О рассуждениях автора, содержащихся в третьем параграфе, говорится далее в замечании №4.

Четвертый параграф второй главы посвящен дискуссиям в отношении соотношения терминов «социальное право» и «трудовое право». Сам по себе этот спор, как представляется, обречен на субъективность, поскольку представляет собой спор о том, какое название следует присвоить правовому явлению. Тем не менее, можно обратить внимание на формулировку автора на стр. 62: «Итак, социальную политику ЕС, а вместе с ней и содержание социального права ЕС, можно определить как совокупность основанных на нормах социального права действий органов ЕС, направленную на социальное развитие в рамках всего Союза или отдельных государств-членов». Как понимать написанное? Содержание социального права – это то же самое, что и социальная политика? Обязательно ли политика выражается правовыми средствами? Сводится ли право к политике? Явно на оба последних вопроса следует дать отрицательные ответы. Содержание социального права представляет собой действия, основанные на нормах этого же социального права? Это уже порочный логический круг в определении.

Параграф 6 главы 2 посвящен международно-правовой дискуссии в отношении принципов «прямого действия» и «прямого применения» норм ЕС. Помимо того, что этот параграф не относится к защищаемой специальности, отметим, что начинающему исследователю вряд ли стоит высокомерно писать о том, что Суд ЕС путает понятия (стр. 81). Кроме того, более углубленное знакомство с отечественной учебной литературой по международному праву в части существования самоисполнимых и несамоисполнимых норм международного права, вероятно, сняло бы существенную часть рассуждений в этом

параграфе и избавило бы от использования неточного перевода с английского – «самоосуществляющийся».

В третьей главе диссертации речь идет, собственно, об источниках трудового права ЕС как таковых, рассматривается понятие их системы, анализируются источники первичного и вторичного права, международные соглашения, коллективные социально-партнерские соглашения на уровне ЕС, акты так называемого «мягкого права» и акты Суда ЕС. Здесь обращает на себя внимание, мягко говоря, оригинальное определение системы источников трудового права ЕС в материальном смысле как некоего единства стремлений государств-членов (стр. 108). Столь нетрадиционный подход к определению системы источников права через абстрактные стремления требует очень серьезных обоснований, которые не удается найти в тексте. На этой же странице диссертации система источников трудового права ЕАЭС уже понимается как «единство правомочности его органов на осуществление правового регулирования в сфере трудовой миграции с одной стороны, и стремление к экономическому развитию и усилению конкурентоспособности с другой». Таким образом, для системы источников трудового права ЕС правомочность его органов не важна, а для ЕАЭС – совсем другое дело? Почему?

Короткое изложение содержания диссертационного исследования В.В. Цветкова выявляет две крупнейшие проблемы исследования: минимальную связь содержания работы с научной специальностью 12.00.05, по которой диссертация выдвинута на защиту, а также тот факт, что тема работы не раскрыта в соответствии с содержанием понятия «Механизм наднационального правового регулирования труда в Европейском Союзе», предлагаемым самим диссертантом.

В работе благоприятное впечатление производит тот факт, что автор при ее написании использовал существенное количество специальной литературы, нормативных актов и судебных решений Суда ЕС, хотя системность их использования, а также актуальность данных вызывает много серьезных нареканий. Так, на стр. 4 диссертации дается перечень отечественных ученых, которые «...в последние годы праву ЕС и трудовому праву в частности уделяли внимание». Вызывает недоумение тот факт, что в списке таких ученых отсутствуют ведущие специалисты в этой области – Р.Ш. Давлетгильдеев, П.А. Калиниченко, Д.К. Бекяшев. На работы Д.К. Бекяшева и Р.Ш. Давлетгильдеева, составляющие основу исследований в сфере европейского трудового права в России, в диссертации нет ни одной ссылки, а на П.А. Калиниченко – одна, причем на словарную статью с дефиницией. В.В. Цветков, к сожалению, не опирался на работы классиков российского сравнительного и международного трудового права – И.Я. Киселева, С.А. Иванова и других. Среди отечественных ученых в списке упомянута представительница Беларуси – Т.А. Постовалова. До перечисления отечественных авторов В.В. Цветков пишет о том, что «Научные исследования, выполненные на базе полученных новых знаний и исследованного опыта, позволят решить востребованную практическую задачу по эффективному правовому регулированию трудовых и тесно связанных с ним отношений в эпоху глобализации на наднациональном уровне в образованиях с участием Российской Федерации, в первую очередь – в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)». При этом работы ведущих специалистов по сравнительному трудовому праву государств ЕАЭС, таких как К.Л. Томашевский, С.Ю. Головина, К.С. Раманкулов, используются лишь на уровне цитирования учебников для студентов. Масштаб исследовательского пробела в данной части достаточно

проиллюстрировать тем фактом, что диссертант упустил из вида докторскую диссертацию о системе источников трудового права ЕАЭС, защищенную К.Л. Томашевским в 2018 г.

Имеются вопросы и к перечню авторов, представляющих ЕС, отталкиваясь от работ которых диссертант строил свои выводы. Так, среди авторов, которые составили базу исследования, упоминается проф. К. Боркхадт (ошибочно названный в тексте «Бордхард»), который в работе процитирован пособием «Азбука права ЕС», изданным офисом ЕС в качестве вводного упрощенного материала, причем процитировано издание 2011 г., хотя в открытом доступе в интернете есть более позднее и актуальное пособие 2018 г. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении учебника по европейскому трудовому праву Р. Бланпэна (проф. Р. Бланпэн – один из наиболее известных специалистов в европейском трудовом праве, но не упомянут среди важных для диссертанта авторов из стран ЕС) изданному в 1997 г., хотя с тех пор этот учебник многократно переиздавался. Проф. К. Барнارد, имя которой приводится в списке, представлена лишь одной статьей, хотя она автор ведущих монографий по трудовому праву ЕС, оказывающих существенное влияние на правовую доктрину региона. Ряд авторитетных ученых в области трудового права ЕС, таких как М. Вайс, Б. Беркьюссон, М. Рёнмар, А.М. Святковский, Ф. Хендрикс, М. Шлахтер, Т. Ясперс и многие другие, к сожалению, выпали из сферы внимания диссертанта. Таким образом, создается впечатление фрагментарности выбора В.В. Цветковым авторов, на основе трудов которых формируется собственное диссертационное исследование.

Список использованной литературы оставляет тяжелое впечатление. С одной стороны, он достаточно объемен – 175 пунктов, хотя список «литературы» и после этого пункта продолжается судебной практикой и правовыми актами, не относящимися к литературе. С другой стороны, во-первых, как уже было указано выше, важнейшие источники по теме диссертационного исследования ушли от внимания автора. Во-вторых, в работе не процитировано ни одного источника или правового акта позже 2017 г. С учетом того, что все три публикации В.В. Цветкова по теме работы относятся к 2016 г., а дата доступа к интернет ресурсам датирована 2016 и 2017 г., становится очень похожим, что работу над диссертацией автор прекратил три года назад или даже более.

Наконец, перечень литературы оформлен крайне небрежно. Русскоязычная часть перечня еще представляет собой более-менее стройное перечисление источников, хотя один и тот же учебник «Евразийское трудовое право» дважды фигурирует в этом списке под п. 19 и 80 – второй раз с пропущенным словом «Евразийское». «Рекорд» учебника «Евразийское трудовое право» по количеству воспроизведений в списке литературы «побит» первым томом учебника А.М. Лушникова и М.В. Лушниковой «Курс трудового права» 2009 г. Этот учебник удостоен троекратного воспроизведения в списке литературы под номерами с 47 по 49. Первый раз (под номером 47) этот учебник цитируется в одном пункте со статьей тех же авторов в журнале «Вестник трудового права и права социального обеспечения» за 2007 г. (с неправильным указанием страниц: в списке указывается «21-63», на самом деле – «40-60»). Два других раза – как самостоятельный источник с разными вариантами написания названия. Нумерация страниц в большинстве упомянутых в списке монографий и учебников касается интервалов использованного текста, как это делается в постраничных ссылках, а не библиографическом перечне. Есть и другие ошибки и опечатки.

Англоязычная же часть перечня оформлена просто безобразно. Перечень начинается с п. 94 – журнальной статьи, где указан лишь один автор, а остальные идут по разряду “et al” (т.е. «и др.»), не требующиеся по формату кавычки вокруг названия открываются нижним прочерком (), а закрываются апострофом, том и номер журнала даны не в соответствии с российским ГОСТ, а так, как принято в формате публикации, из которой скопировал ссылку диссертант, а интервал страниц указан не в отношении всей статьи (он на самом деле – 401-419)¹. В следующем пункте 95 ссылка на статью дается уже в другом скопированном формате, перед названием журнала стоит предлог in, а сам журнал (European Journal of Labour Law) указывается аббревиатурой ELLJ, которая нигде не расшифровывается. В следующем пункте 96 «склеено» два разных источника, причем оба этих источника помещены в начале перечня, потому что диссертант перепутал имя и фамилию автора обоих. Название монографий, главы которых цитируются в этом пункте целиком написаны заглавными буквами, вероятно, потому что диссертант не хотел тратить время на смену регистра, а страничные интервалы идут по убывающей: страницы со 163 по 75 и с 457 по 59. Если пропустить пункты 97-102 перечня, каждый из которых оформлен приблизительно так же, то в п. 103 дается ссылка на судебное дело Европейского суда, хотя судебные дела перечисляются в диссертации отдельным списком.

Продолжать описание оформления англоязычной литературы, вероятно, не имеет смысла. Приходится констатировать, что такое оформление демонстрирует неуважение диссертанта к читателям его работы.

Практическая значимость исследования диссертанта основывается на том, что основные выводы В.В. Цветкова могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности. Кроме того, реализация некоторых из высказанных диссидентом предложений может способствовать развитию нормативной базы ЕАЭС, совершенствовать существующие механизмы защиты трудовых прав как на национальном, так и на международном уровне.

Некоторые из положений диссертации, выносимые на защиту, вызывают поддержку и представляют собой вклад в правовую доктрину. Так, интересны мысли автора (положение, выносимое на защиту под номером 3) о признаках системы источников правового регулирования труда ЕС в формальном смысле, которые в совокупности придают исключительность и уникальность именно этой системе.

Ряд разделов диссертации представляют существенный информационный интерес с точки зрения изучения трудового права Европейского Союза. Особенной значимостью в этом смысле обладают параграфы, касающиеся открытого метода координации, коллективных соглашений и рефлексивного трудового права.

Апробация результатов диссертационного исследования В.В. Цветкова достаточна для соискания ученой степени кандидата юридических наук. Основные положения диссертации опубликованы в трех научных статьях в рецензируемом научном издании, рекомендованном ВАК.

В результате изучения диссертационного исследования В.В. Цветкова, хотелось бы задать автору ряд вопросов, ответы на которые необходимо озвучить при защите работы:

¹ См. библиографическое описание на сайте издательства: Cambridge University Press, International Organization. Volume 54, Issue 3, Summer 2000, pp. 401-419. The Concept of Legalization. Kenneth W. Abbott, Robert O. Keohane, Andrew Moravcsik, Anne-Marie Slaughter and Duncan Snidal. DOI: https://doi.org/10.1162/002081800551271. Режим доступа: https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/concept-of-legalization/EF6AA703676B5053168AC43C27BF45A4.

1. На стр. 28 своей работы диссертант указывает, что считает наиболее подходящим понимание правового механизма, предложенное проф. С.С. Алексеевым, включающее следующие элементы: юридические нормы, субъективные права, связанные с ними обязанности, а также реализацию этих прав и обязанностей. При этом в первом положении, выносимом на защиту, автор формулирует свое понимание механизма наднационального правового регулирования труда в ЕС. Согласно позиции В.В. Цветкова, оно включает лишь источники правового регулирования труда в ЕС и субъективные трудовые права и обязанности частных лиц – граждан ЕС. В связи с этим понятием возникает сразу несколько вопросов:

А) почему речь идет только о правах и обязанностях частных лиц – граждан ЕС? Почему взаимоотношения между государствами-членами и ЕС по вопросам *наднационального* регулирования труда исключены из правового механизма? Почему исключены отношения субъектов трудового права с государствами-членами, с работодателями-юридическими лицами, профсоюзами и объединениями работодателей?

Б) почему из общетеоретического понятия правового механизма, которое он сам назвал наиболее оптимальным, диссертант удалил последний, важнейший элемент – реализацию прав и обязанностей? Без анализа реализации прав и обязанностей невозможно оценить степень реальной эффективности механизма правового регулирования.

В) Если в механизм правового регулирования входят хотя бы первые элементы определения С.С. Алексеева, упомянутые диссертантом в предлагаемом им определении, то почему содержание диссертации сводится к рассмотрению истории вопроса, понятий, принципов и концепций в отношении трудового права ЕС, рассмотрению его источников, но фактически обходит стороной, собственно, сами права и обязанности, их содержание? То, в каких вопросах ЕС осуществляет регулирование в сфере труда, насколько обоснован и закономерен именно этот круг трудовых прав и обязанностей, урегулированных нормами ЕС, каковы перспективы его модификации, и какие уроки из этого можно извлечь для ЕАЭС, могло бы стать важнейшим и интереснейшим элементом диссертации и очевидно входит в заявленную тему.

2. Далее в первом положении, выносимом на защиту, формулируется тезис о том, что «Функционирование механизма наднационального правового регулирования труда в ЕС базируется на трех главных принципах: примата права ЕС над национальным правом государств-членов, прямого действия права ЕС и прямого применения права ЕС». Эти принципы не имеют никакой трудоправовой специфики и в равной степени применимы к любым правовым нормам ЕС. При этом диссертант характеризует не правовой механизм правового регулирования «вообще», а именно труда, и указывает до этого, что в его состав входят не только источники права, которые можно было бы рассматривать исключительно в технико-юридическом ключе, но и трудовые права. Хотелось бы понять, почему никакие трудоправовые принципы не составляют, с точки зрения диссертанта, правовую основу механизма правового регулирования труда в ЕС.

3. Во втором из выносимых на защиту положений говорится о разделении источников правового регулирования труда в ЕС на первичные и вторичные и на рассмотрение их в материальном и формальном смысле. Хотелось бы уточнить, в чем состоит научная новизна этого положения.

4. Очень хорошо, что в положениях, выносимых на защиту, формулируются предложения в отношении совершенствования правового регулирования труда в рамках

ЕАЭС. Это повышает практическую значимость проделанной работы. Однако и к самим положениям, и к их обоснованию диссертантом имеются вопросы и замечания. Говоря о научной разработанности темы (стр. 5) В.В. Цветков говорит, в частности и о том, что в настоящее время «...не выявлены основные недостатки существующей системы правового регулирования трудовых отношений в рамках ЕАЭС и не указаны основные пути их решения, которые приведут к углублению интеграции и усилению правовой защиты прав граждан государств-членов, включая российских работников и законных интересов российских работодателей как на территории РФ, так и на территории других государств-членов ЕАЭС». Может быть это и так, однако, как уже указывалось выше, степень знакомства диссертанта со специальной литературой по данному вопросу явно недостаточна, и от его внимания ушли важнейшие работы по трудовому праву ЕАЭС, в том числе, опубликованной литературы, оценивающей степень готовности ЕАЭС к рецепции трудоправовых механизмов ЕС. Поэтому это утверждение выглядит легковесно и носит, скорее, характер авторской догадки.

В положении под номером 6, выносимом на защиту, В.В. Цветков формулирует предложения «по развитию ЕАЭС» (именно так – не правового механизма регулирования труда, а амбициозно – ЕАЭС в целом и, судя по всему, по любым направлениям). Делаются следующие предложения: признание верховенства учредительных договоров примата права ЕАЭС над правом государств-членов; закрепление судебного прецедента; запрет на принятие органами ЕАЭС актов, не предусмотренных учредительными договорами; использование единой терминологии, к примеру, «евразийский закон»; дифференциация законодательных актов и актов, направленных на их исполнение (исполнительных актов). Все эти предложения носят технико-юридический характер и не имеют трудоправовой специфики. В равной степени они относимы к любой другой отрасли права, и их обсуждение имеет смысл в рамках научной специальности 12.00.10.

Интереснее было бы ознакомиться с соображениями автора в отношении перспектив экспансии трудоправового регулирования на уровне ЕАЭС с учетом соответствующего опыта ЕС применительно к конкретным трудовым правам и институтам трудового права.

Некоторые соображения по этому поводу имеются на стр. 54-56 докторской диссертации (конец параграфа 3 главы 2). Диссертант начинает свои рассуждения с общеизвестного тезиса о том, что предмет правового регулирования труда на уровне ЕАЭС крайне ограничен и сводится к установлению общего рынка труда. Далее формулируется посылка рассуждения, заключающаяся в том, что поскольку европейская интеграция началась гораздо раньше евразийской, интеграционному проекту ЕАЭС наверняка есть что подчерпнуть в отношении гармонизации правового регулирования труда у ЕС. На эту тему есть немало научных публикаций (например, наши с проф. С.Ю. Головиной статьи на русском и английском языке), но они, к сожалению, не попали в сферу внимания автора. Уходя на высокий уровень философского обобщения, диссертант цитирует тезис К. Леви-Страсса о том, что не следует оценивать правовые системы как более, либо менее развитые.

Этот тезис развивается далее цитатой биолога Савельева С.В., которую приведем в авторском варианте диссертанта: «Сравнивая Европу и Россию, С.В. Савельев приходит к следующему выводу: «хронический гуманизм при отсутствии жёсткого и искусственного отбора привёл к невиданному полиморфизму мозга, который стал основой эволюционного потенциала России... Большие различия в организации мозга у населения страны делают крайне затруднительным согласованные коллективные действия. Все думают по-разному, у

каждого свое особое мнение, которое часто ни на что не похоже. Европа избавлена от напасти личного творческого мышления обывателей своей жестокой историей».

Чтобы подкрепить авторитет этих «научных» рассуждений, В.В. Цветков упоминает о том, что цитируемый автор имеет степень доктора биологических наук и звание профессора, но не упоминает, к сожалению, что Савельев С.В. «награжден» в рамках форума «Ученые против мифов — 8» премией «Почетный Академик ВРАЛ», как один из главных лжеученых 2018 года². Эту деталь биографии г-на Савельева можно было упустить в работе над диссертацией, но восприятие без какой-либо критики евгенических рассуждений, основанных на абсурдных лжнопатриотических «аксиомах» о «хроническом гуманизме» нашей истории и воспитании свободомыслия у нашего народа (интересно, кто это свободомыслie лучше воспитывал – Сталин или царская цензура?), диссертанту не делают чести. Творческое мышление у европейцев, согласно Савельеву, цитируемому В.В. Цветковым без какой-либо критики, отсутствует. Приводить в качестве контрпримеров научные, социальные, творческие достижения европейцев в качестве ответа на этот расистский бред лжеученого Савельева, смысла, вероятно, не имеет.

Опускаясь с уровня высоких абстракций, диссертант оставляет половину страницы на, собственно, перспективы гармонизации трудового права в рамках ЕАЭС. Из приведенных выше рассуждений В.В. Цветков делает вывод о том, что «ЕАЭС свойственен свой, особый вариант развития системы права, в том числе трудового права...». Этот вывод очевиден и применим в равной степени к любой правовой системе.

Далее диссертант пишет: «Насколько такой вариант благоприятен? Имеющееся регулирование трудовых отношений в полной мере отвечает потребностям экономики, которые в настоящий момент не особенно велики. К тому же РФ уже состояла с другими участниками ЕАЭС в более тесной интеграции – Советском Союзе». Какой вариант? Вариант особой правовой системы, особенность которой в том, что здесь живут люди высшей расы, подвергавшиеся положительному евгеническому отбору? Откуда автор узнал, что имеющееся регулирование трудовых отношений в полной мере отвечает потребностям экономики? Почему невелики запросы экономики? Никаких «замеров» в этом отношении он не делал сам и явно не изучал, иначе это хотя бы как-то отразилось на тексте работы.

На этом фоне придиরаться к юридической неграмотности формулировки про то, что РФ и другие государства-члены ЕАЭС состояли в СССР, уже вряд ли имеет смысл. Это лишь одна из многих таких небрежностей в тексте.

Далее диссертант переходит к интересам России к унификации (термины «гармонизация» и «унификация» в правовой доктрине различаются, но в работе диссертанта используются как синонимы – без какого-либо комментария по этому поводу) нормативно-правовой базы в сфере труда в рамках ЕАЭС. Интересы других государств-членов в этом отношении автором высокомерно не рассматриваются. Придя к выводу, что в принципе России это может быть интересно, автор уже не здесь, а в заключении к работе приходит к «неожиданному» выводу о том, что «...трудовое законодательство РФ может быть принято за основу построения наднациональной системы источников трудового права, положения которой будут использованы в целях гармонизации законодательств стран-членов экономического сообщества». Почему российского? Наверное, потому что России это удобнее. Лучше это для людей, проживающих и работающих в России и в других

² См.: Ефремова Э. Назван главный лжеученый 2018 года // Ридус, 8.10.2018 г. Режим доступа: <https://www.ridus.ru/news/285042>.

государствах ЕАЭС, а также для работодателей и экономики? Этот вопрос даже не ставится в работе. Исследовались ли положения трудового законодательства государств-членов ЕАЭС с точки зрения их сравнительных преимуществ и недостатков для всех участников отношений в сфере труда? Другими исследователями – да, но эти исследования остались вне сферы внимания диссертанта.

Вывод: диссертация Валентина Викторовича Цветкова на тему: «Механизм наднационального правового регулирования труда в Европейском Союзе» может быть предметом рассмотрения на предмет соответствия требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» по специальности 12.00.10, но не 12.00.05, а соискатель Валентин Викторович Цветков, к сожалению, не заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.05. – трудовое право; право социального обеспечения. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой трудового права
и права социального обеспечения
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Н.Л. Лютов

29 сентября 2020 г.

